

□ **АНДРЕЙ Д. КАКСИН**

**К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ
И ФОРМАХ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
TO THE QUESTION OF CATEGORY OF POSSESSIVENESS
AND FORMS OF ITS EXPRESSION IN THE KHAKASS LANGUAGE**

Аннотация

В статье освещаются вопросы семантики и формального выражения категории притяжательности в тюркских языках (на примере хакасского языка). Специальные аффиксы признаются основными выразителями грамматического значения принадлежности. Рассматриваются также другие средства формального выражения разных оттенков притяжательности: сочетания типа *миниң ипчим* 'моя жена', изафетные сочетания, имя с показателем *-лығ* + имя в номинативе. В статье обсуждаются некоторые вопросы (аспекты), связанные с выражением в агглютинативных языках категории притяжательности (посессивности). В частности, рассматривается вопрос разграничения понятий "принадлежность" и "обладание". Семантика притяжательности представляется более общей, широкой по отношению к значениям принадлежности, обладания и другим. Описываются типологические способы формального выражения семантики притяжательности в агглютинативных языках. Делается вывод о том, что более детально разбираемую семантику можно охарактеризовать исходя из формальных средств конкретного языка (группы языков). Рассматриваются ядерные способы выражения категории притяжательности в хакасском языке.

Ключевые слова

категория притяжательности, значение принадлежности, значение обладания, способы выражения, аффиксация, агглютинативные языки, семантические оттенки, формальные средства, суффиксы притяжательности, хакасский язык

Abstract

In article questions of semantics and formal expression of category of possessiveness in Turkic languages are taken up (generally – on the example of the Khakass language). Special affixes admit the main spokesmen of a grammatical meaning of accessory. Also other means of formal expression of different shades of possessiveness are considered: combinations like *минің ичім* 'my wife', izafet-combinations, a name to an indicator - *лыф* + a name in Nominative. In article some questions (aspects) connected with expression in agglutinative language of category of possessiveness are discussed. In particular, the question of differentiation of the concepts "accessory" and "possession" is considered. Semantics of possessiveness is represented to accessory, more general, wide in relation to senses, possession and to others. Typological ways of formal expression of semantics of possessiveness in agglutinative languages are described. The conclusion that in more detail the sorted semantics can be characterized proceeding from formal means of concrete language (group of languages) is drawn. Nuclear ways of expression of category of possessiveness in the Khakass language are considered.

Key words

category of possessiveness, sense of accessory, sense of possession, ways of expression, affixation, agglutinative languages, semantic shades, formal means, possessiveness suffixes, Khakass language

Если рассматривать содержательную сторону притяжательности (или посессивности) в типологическом аспекте, легко заметить, что это явление в тех языках, где оно есть, сложное, всепроникающее и разно-уровневое (по средствам выражения). То, что наблюдается в хакасском языке, возводимо к пратюркскому прототипу (является вариацией условного общетюркского типа, т. е. способа проявления притяжательности во всех тюркских языках). Это не противоречит другому обстоятельству: у отдельных языков этой семьи есть определенные особенности в способах и средствах выражения отдельных притяжательных значений.

Сравнивая с другими агглютинативными языками (например, самодийскими, обско-угорскими, финно-пермскими), можно отметить как сходство (использование особых лично-притяжательных суффиксов), так и различие (формирование специфической тюркской притяжательной конструкции изафетного типа). Есть некоторые различия другого плана (в частности, по функционированию лично-притяжательных суффиксов за пределами системы именного словоизменения), но они не так существенны (поскольку связаны с понятиями «принадлежность. обладание», можно сказать, косвенно).

В тюркских языках категория принадлежности, как объект исследования, была выделена во II половине XIX – начале XX вв. , в трудах А. К. Казем-Бека, О. Бётлингга, Н. И. Ашмарина, П. М. Мелиоранского, Н. Ф. Катанова. С момента созданий первых грамматик категория принадлежности является неотрывной частью обязательных разделов, предназначенных для изучения. В грамматиках тюркских языков выделяются обычно такие способы выражения категории принадлежности: морфологический, синтаксический и смешанный [Дмитриев 1948; Исхаков, Пальмбах 1961; Мусаев 1964; Грамматика хакасского языка 1975 и др.]. Значение категории принадлежности в тюркских языках обычно реализуется

в двучленной притяжательной конструкции, первым компонентом которой является субъект – обладатель, а вторым компонентом – объект.

Рассматриваемое характерное свойство языка (способность выражать обладание, владение, принадлежность, притяжательность) представляется обширным, разносторонним явлением, по-разному проявляющимся в конкретных единицах языка (и их сочетаниях). Необходимость, важность и значимость этой понятийной категории языка, как и ее универсальный характер, подчеркиваются во всех лингвистических энциклопедиях, справочниках, словарях [см. , напр. : Журинская 1990].

Наличие категории притяжательности (принадлежности) является важнейшей характеристикой всех алтайских, в том числе – тюркских, языков [Дмитриев 1956; Грамматика хакасского языка 1975: 62-66; Черемисина 1992: 82-83; Гаджиева 1997: 28-29; Карпов 1999; Рассадин 2006; и др.].

Если брать во внимание некоторые общие характеристики, можно видеть, что средства выражения категории притяжательности в тюркских языках не сильно отличаются от тех, которые имеются, например, в монгольских или финно-угорских языках. Поссесивные отношения в этих языках выражаются и с помощью специальных аффиксов принадлежности, и с помощью притяжательных местоимений [Тенишев 1997: 11-12; Миндиярова 2007; Рассадин 2011: 70-73].

Действительно, этот, морфолого-синтаксический, способ выражения поссесивных отношений сближает тюркские языки также и с финно-угорскими языками, с тем лишь отличием, что система финно-угорских языков характеризуется преобладанием черт флективности и синтеза. Отличие тюркской системы предопределяется также наличием изафета и возможностью использования “одних и тех же” суффиксов (в том числе – притяжательных) и в сфере имени, и для образования аналитических форм глагола [Широбокова 2005: 238-240].

Притяжательные конструкции мы рассматриваем как разновидность конструкций с определительным значением. Синонимичными и близкими в данном случае являются термины *признаковое значение*, *атрибутивные отношения*, *поссесивность*, и указанный тип семантической связи всегда рассматривается как один из базовых, как языковая универсалия [Кручинина 1990; Николаева 1990: 535; Плунгян 2000: 242-245].

Развивая эту мысль, отметим, что при изучении семантики вполне возможно отталкиваться от факта совпадения дефиниций для терминов ‘притяжательность’ и ‘поссесивность’. Таким образом, притяжательность – это одна из универсальных языковых категорий (таких, как множественность, определенность и неопределенность, оценка и др.), основное значение которой – определение “качества” объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. Далее, следует развести притяжательность, выражаемую именными и глагольными словами (словоформами). В именной сфере выражаются такие оттенки, как партитивность (не отторгаемая принадлежность), атрибутивность, семантическая релятивность. В глагольной (предикативной) сфере выражаются те же отношения собственно притяжательности, что и именной сфере (моя лошадь = лошадь, которая принадлежит мне), а также такие оттенки, как детерминация, локативность, предикативность (наше небо = небо над нами; наша погода = погода в том месте, где мы находимся; погода у нас наладилась).

Итак, в плане содержания притяжательные (определительные, в которых определение отвечает на вопрос “чей?”) конструкции объединяет способность репрезентации семантики, укладывающейся в следующие основные схемы:

- что-то принадлежит кому-то, кто-то является собственником чего-либо (владеет чем-либо): аал малы ‘скот, принадлежащий жителям села’, тура ээзі ‘хозяин дома’, минің китабым ‘моя книга’, хакас чирі ‘хакасская земля’, Азарханның туразы ‘дом Азархана’ и т. д. ;
- что-то является неотъемлемым качеством, признаком кого-либо (чего-либо), как частный случай – является наименованием: кізі ады ‘имя человека’, адамның ады ‘имя отца’, адай ады ‘кличка собаки’, минің холым ‘моя рука’ и т. д. ;
- кто-то соотносится с другим одушевленным субъектом как родственник, свойственник, близкое существо, знакомый, сослуживец и т. п. : Катяның пабазы ‘отец Кати’, минің танызым ‘мой знакомый’, ачамның нанчызы ‘друг [моего] старшего брата’, хончыхтың оолғы ‘сын соседа’ и т. д. ;
- кто-то соотносится с другим одушевленным субъектом, как родственник, свойственник, близкое существо, знакомый, сослуживец и т. п. : өбремнің апсаа ‘муж [моей] подруги’, минің ипчім ‘моя жена’, минің нанчыларым ‘мои друзья’, театрының актёры ‘актер театра’ и т. д. ;
- что-то (кто-то) является частью чего-либо (кого-либо): аал азағы ‘окраина села’, аал клубы ‘клуб села’, ит кизегі ‘кусочек мяса’, кизек торғы ‘лоскут шёлка’.

На вариативность семантики притяжательности накладывается сеть форм языка, служащих для выражения названных значений и их оттенков. Говоря иначе, способ выражения значения принадлежности в разных языках является образцом качественных различий в проявлениях типологически общей категории (языковой универсалии). Все же прототипической является конструкция, построенная по схеме: нечто ~ чьё (нечто) или некто ~ чей (некто).

Далее рассмотрим, как можно выразить принадлежность в хакасском языке (прежде всего – формальную сторону данного явления).

В хакасском языке, как и в других тюркских, рассматриваемая категория выражается прежде всего “аффиксами, различающимися по лицам и числам, которые присоединяются к именам существительным, а также к любым другим словам в функциях субстантивов: паба-м ‘мой отец’, паба-быс ‘наш отец’, пабалар-ыбыс ‘наши отцы’, киме-ң ‘твоя лодка’, парған-ы ‘его (их) уход’ и т. д.” [Донидзе 1997: 464].

Вполне возможно в первый ряд поставить синтетические словоформы притяжательных местоимений и прилагательных. В хакасском языке есть несколько словообразовательных аффиксов, вносящих значение притяжательности; получаемые словоформы часто служат основой развернутых притяжательных конструкций:

-*тии*; -*тың*; -*тырых*; -*тых*; -*ха*; -*хай*; -*хан*; -*хах*; -*чы*; -*чыл*; некоторые другие.

-*тии* (-*нии*, -*ии*, орфографически -*ти*, -*ни*, -*и*) образует притяжательные прилагательные, местоимения: *аални* сельский (*аал* село, населенный пункт); *аңни* звериный (*аң* зверь);

kızıni человеческий, человеческий (*kizi* человек); *палани* детский, ребячий (*пала* ребенок, дитё); *суғни* водный, водяной (*суғ* вода, река) [ХРС 2006: 1072].

Рассмотренные выше примеры позволяют выделить и первую, главную (или основную) форму, в которой выражаются оттенки притяжательности, – имя в номинативе + имя в генитиве.

Более сложные (развернутые) притяжательные конструкции образуются сочетанием местоимения или имени-определения и имен с лично-притяжательным суффиксом.

Аналитическая форма: имя с показателем -лығ + имя в номинативе. Формант -лығ имеет фонетические варианты -ліг, -нығ -ніг, -тығ -тіг; данный аффикс вносит конкретно-предметное или отвлеченное значение обладания:

хос хулахтығ ат ‘лошадь с двойными ушами’; аарлығ колода ‘колода с пчелами’; аарлығ чирлер ‘места, изобилующие пчелами’ [ХРС 2006: 19].

Кемнің парғаны (ылғааны)? Чей отъезд (плач)? Минің парғаным Мой отъезд. Его отъезд Аның парғаны. Ее плач: Аның ылғаны Хызычах ылға=ан=ы=наң узубысхан [Грамматика хакасского языка 1975: 77] ‘Так как девочка наплакалась, (она) уснула’.

Конструкции типа *Минің чуртымны кізі чуртабазын, минің чобаамны кізі көрбезін* ‘Пусть никто не живет такой жизнью, как у меня, пусть никто не испытывает такого горя, как у меня’.

При широкой трактовке понятия посессивности (принадлежности) к этой семантической сфере следует отнести и значение обладания. Названное значение также выражается во всех языках, но, естественно, разнится формальное выражение. Во многих языках имеются специальные проприетивные аффиксы (т. е. аффиксы со значением обладания). Часто такие аффиксы обозначают не только собственно обладание, но и посессивность с определенными коннотациями, например, особые свойства обладаемого или временное обладание, т. е. обладание в определенный момент [Эбата 2014].

Содержательное наполнение одинаково: констатируется факт обладания чем-либо; в языке возникает комплекс значений, описываемых с помощью слова типа «иметь». Не редкость, что в большинстве языков, имеющих специальную форму выражения значения обладания (например, специальный аффикс), в реальном функционировании эта форма несет и смежные смыслы, лишь косвенно связанные с семантикой обладания.

К примеру, в якутском языке (аффикс -лаах), как и во многих других тюркских языках (хак. -лығ, башк. -лык), к этому семантическому полю относятся значения материала, которым предмет обладает частично (*көмүстээх холбуйа* ‘посеребренная шкатулка’), вместилищ, содержащих вещество (*бутулкалаах уу* ‘бутылка воды’, досл. ‘бутылку имеющая вода’); *тымтайдаах балык* ‘рыба, что в кузове’, ‘рыба, помещенная в кузов’), собирательности (=русские имена на «ские»: *Балансаптаах* ‘Баланшевские’), пребывания в какой-либо организации (*колхозтаах* ‘колхозник’, ‘состоящий в колхозе’) [Убрятова 2011: 243-246].

Сближает тюркские языки с другими агглютинативными языками с морфологическим выражением категории притяжательности и то обстоятельство, что лично-притяжательные суффиксы, очень употребительные и частотные, не всегда обозначают

именно принадлежность лицу (“обладание лица”). Часто это происходит в тех случаях, когда эти суффиксы только указывают на лицо, производящее какое-либо действие (но при этом часто, по причине стремления к экономии языковых средств (или речевых усилий) опускается личное местоимение):

ирік чох тоғысты тоостыбыс все-таки [нам] пришлось завершить работу; **ирік чох парчых** все же [ему] пришлось идти (*не по своей воле*); **ирік чох чөпке кірчік** [он] все же дал согласие [ХРС 2006: 132].

изім сыхханча хорыхтым [я] испугался так, что чуть не лишился ума [ХРС 2006: 135].

В то же время обладание какими-либо желаниями, потребностями, способностями может быть выражено с помощью словообразовательных суффиксов соответствующей семантики:

улуғ истіг кізі человек большого ума [ХРС 2006: 137].

ИТСІРИПГЕ /итсіре-/ иметь желание есть мясо; иметь острую потребность в мясе (*при его отсутствии*); **кізі часхызын итсіреп парча** весной у человека появляется острая потребность в мясе ... [ХРС 2006: 139].

Итак, значение притяжательных конструкций в любом языке (в том числе, конечно, и в хакасском языке) чрезвычайно велико: они одни из тех, что в первую очередь определяют живую “физиономию” всякого естественного языка. Категория посессивности (принадлежности) в большинстве языков, в том числе – в тюркских языках, достаточно изучена. При этом, однако, можно наметить некоторые возможные направления новых исследований, когнитивных и типологических. Интересно, в частности, ко всем ли именам “свободно” присоединяются аффиксы принадлежности? Предположительно, в хакасском языке этим свойством не обладают слова, слова с абстрактным и общим значением (типа слова, называющего небесное светило, но имеющего и значение ‘погода’):

Күн 1) солнце солнечный... 4) погода; **чут күн см. чут I** [чут I ненастье, ненастный] ◊ **күн тударға** чувствовать перемену погоды, недомогать (*к непогоде*) ... [ХРС 2006: 215].

Этот вопрос требует дальнейших изысканий. О формальной стороне можно сказать еще следующее: инвентарь – достаточно разнообразный, а первоначальную его классификацию (или внутреннюю типологию) можно произвести по степени сложности (в сочетании с признаком синтетичности / аналитики). В целом формальная сторона категории притяжательности имеет много общего во всех агглютинативных языках.

В хакасском языке, как и в целом ряде тюркских и финно-угорских языков, представлены два типа склонения: абсолютное (основное) и лично-притяжательное (определенно-личное). При абсолютном склонении падежные суффиксы присоединяются непосредственно к имени. Лично-притяжательное склонение отличается от абсолютного использованием лично-притяжательных суффиксов. При этом в словоформе падежный суффикс присоединяется после лично-притяжательного.

Например, в слове *чазыларында*, кроме корня *чазы* ‘поле’, имеется аффикс множественного числа *-лар*, аффиксы формы принадлежности *-ы* и местного падежа *-(н)да* [Патачакова 1987: 108].

В тюркских языках посессивность в именной группе может выражаться также изафетной конструкцией; имеются разные варианты такой конструкции: аттың кўзи 'сила коня', аар чыдазы 'жалю у пчелы', ханның наместниги 'царский наместник', сөөк нандырды 'женитьба на родственнице со стороны матери (букв. сеока возврат)', ат ниңирти 'отзвук от далекого топота лошадей', өски түги 'козья шерсть', тон паары 'верхняя сторона полы' и др. Изафету предполагается посвятить отдельный раздел описания; возможно сравнение с аналогичным явлением в иранских языках.

Разбирая основные синтаксические граммы имени, В. А. Плунгян [Плунгян 2000: 167-172, 184-187] подробно останавливается на вопросах инвентаря падежей в языках мира и способах построения изафетных и подобных им конструкций.

В сфере глагола необходимо говорить о преобладающем типе посессивной конструкции в том или ином языке (такую конструкцию образуют глагольные предикаты со значением 'иметь', 'обладать'). Языки, в которых эта конструкция строится с участием глагола типа 'иметь' (русск. Он имеет больше возможностей), называются *habeo*-языками (от лат. *habeo* 'обладаю'). Языки, в которых эта конструкция образуется с использованием служебного глагола типа 'быть' (русск. У него есть большие возможности), называются *esse*-языками (от лат. *esse* 'быть').

В аспекте лингвистической типологии особый интерес представляют синтетические и полусинтетические морфологические формы категории принадлежности, которые, как известно, имеются не только в алтайских, но и уральских языках. И эти формы весьма разнообразны. К примеру, в самодийских языках обозначение как личной, так и безличной принадлежности имеет особую форму для своего выражения. Эту форму вполне закономерно рассматривать как форму родительного падежа. В хакасском языке также имеется генитив, и здесь эта падежная форма также задействована в системе выражения различных оттенков притяжательности.

Основную роль в системе выражения притяжательных отношений в хакасском языке, как и во многих других агглютинативных языках, играют аффиксы притяжательности. В разных языках существуют определенные семантические ограничения: в смысле объема именных групп (слов), к которым свободно присоединяются суффиксы притяжательности. В этом аспекте особенно интересен материал уральских языков: выражая значение обладания в самом широком смысле этого слова, посессивные аффиксы в этих языках присоединяются к именам с любым лексическим содержанием. В хакасском языкознании этот вопрос еще не ставился, поэтому естественно предполагать, что новые исследования только и могут дать ценный материал относительно тех лексических единиц, к которым присоединяются (или не присоединяются) лично-притяжательные суффиксы.

Источники и литература

Гаджиева, Н. З. (1997). Тюркские языки *Языки мира: Тюркские языки*. Москва: Изд-во «Индрик»: 17-34.

Н. А. , Баскакова (Под ред.) (1975). *Грамматика хакасского языка*. Редколлегия: М. И. Боргояков, А. И. Грекул, Г. И. Донидзе, Д. Ф. Патачакова. Москва: Наука, 420 с.

Дмитриев, Н. К. (1948). *Грамматика башкирского языка*. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 276 с.

Дмитриев (Н. К. 1956). Категория принадлежности. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. Ч. II: Морфология. Москва: Изд-во АН СССР, С. 22-37.

Донидзе, Г. И. (1997). Хакасский язык. *Языки мира: Тюркские языки*. Москва: Изд-во «Индрик», С. 459-470.

Журинская М. А. Посессивность (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, С. 388-389.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах, А. А. (1961). *Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология*. Москва: Издательство восточной литературы, 470 с.

Карпов, В. Г. (1999). Сопоставительная характеристика существительных русского и хакасского языков. *Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Выпуск III*, С. 15-20.

Кручинина, И. Н. Определение (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, С. 348-349.

Миндиярова, Э. Р. (2007). Морфолого-синтаксический способ выражения категории притяжательности в хантыйском и татарском языках. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Выпуск 4 (67), С. 86-88.

Мусаев, К. М. (1964). *Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология*. Москва: Наука, 343 с.

Николаева, Т. М. (1990). Универсалии языковые. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, С. 535-536.

12. Патачакова, Д. Ф. (1987). Морфемная структура слова в хакасском языке. *Лексикология и словообразование хакасского языка*. Хакасский НИИ языка, литературы и истории. Абакан, С. 108-122.

Плунгян, В. А. (2000). *Общая морфология: Введение в проблематику*. Москва: Эдиториал УРСС, 384 с.

Рассадин, В. И. (2006). Аффиксальное словообразование именных основ бурятского языка: Сравнительный аспект. *Вестник Бурятского университета*. Сер. 18. Выпуск 2С. 139-157.

Рассадин, В. И. (2011). Местоимения в монгольских и тюркских языках. *Урало-алтайские исследования*. №1 (4) С. 63-75.

Тенишев, Э. Р. (1997). Алтайские языки *Языки мира: Тюркские языки*. Москва: Изд-во «Индрик», С. 7-16.

Убрятова, Е. И. (2011). Аффикс обладания -лаах в якутском языке. *Убрятова Е. И. Избранные труды: Исследования по тюркским языкам*. Институт филологии СО РАН Новосибирск: РИЦ НГУ, С. 242-247.

(Коллектив авторов) (2006). *Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сӧстӱк*. Новосибирск: Наука, 1114 с. (ХРС)

Черемисина, М. И. (1992). *Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие*. Новосибирский государственный университет Новосибирск, 92 с.

Широбокова, Н. Н. (2005). *Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири*. Институт филологии СО РАН. Отв. редактор Л. А. Шамина. Новосибирск: Наука, 269 с.

Эбата, Ф. (2014). Аффиксы проприетива в языках Северо-Восточной Евразии: обзор *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. № 1С. 9-14, 560 р.